

Когда я была маслечкой, я вырезала его фотографии из модных женских журналов. И меня совсем не смущало качество советской полиграфии — я исправно лепила картинку в девичий дневник. В моем детстве было престижно иметь девичий дневник с душевными излияниями про мальчиков, песенками о любви и фотографиями кумиров.

Еще тогда было модно слово "дискотека". Я не знала, что это такое. Только догадывалась, глядя на сестру, красящую ресницы, и торжественно обещающую вернуться "сегодня не позже 23.00". Слово "дискотека" неизменно ассоциировалось с накрашенными ресницами сестры и ... этим человеком, подарившем миру хит "Дискотека" ("Когда умолкнет дискотека, ты возвращаешься ко мне..." и так далее). "Еще бы, — думала я, — не вернуться к нему, обладающему такого белоснежного костюма и роскошной копны волос!" И помню еще — пес его знает, почему я это помню, — "Новогодний огонек", цирк, на арене в повозке два кучерявых человека поют песню: "И все же хорошо, что поздно мы встретились с тобой в пути! А-а-ах, лучше поздно, чем никогда!". Смысл слов казался слишком туманным. Но песня очень понравилась. Потому что исполняли ее две суперзвезды — Алла Пугачева и Валерий Леонтьев.

— Почему вы такой загорелый?

— Солярий купил.

— Я думала, вы сейчас начнете рассказывать про банановые рожи, Средиземное море, круиз и заграничную гастроль, где вас принимали на ура. Сейчас это модно у артистов...

— Действительно, моя жизнь в основном и состоит из гастролов. Но отдых... Представьте, не отдыхал с 78-го года. Я очень люблю ничего не делать; в мае вот решил устроить себе две недели ничегонеделания. Полетел к своим друзьям в Нью-Йорк, оттуда мы рванули на Виргинские острова — и 14 дней ногами в воде, головой на берегу. Прекрасно! Ничего не делал!

— Интересно, как вас в детстве называли?

— Не помню. Ох, не помню. Что-то неинтересное, неяркое, лишенное фантазии.

— А что такое, по-вашему, фантазия?

— Фантазия — это, наверное, способность перемолотить реальность таким образом, чтобы от нее, реальности, ничего не осталось.

— Фантазия в вашей жизни много места занимает?

— Она занимает много места на сцене, а в так называемой реальной жизни...

— В так называемой?

— ... да, в так называемой. — Ее там практически нет. Впрочем, иногда я даже сам не знаю, где реальная жизнь, а где придуманная.

— Солярий — это реальная жизнь?

— Да.

— А что еще реальная жизнь?

— Да все скучное, неинтересное.

— Неинтересное вам или читателю?

— Читателю. Потому что читатель, как правило, думает, что у звезды из ушей уже валяются устрицы и креветки, что спит она на необыкновенной кровати, которая булькает, что вокруг — суета и хлопоты, и что жизнь звезды — это не работа, а смена удовольствий.

— Как тогда на самом деле?

— Чтобы быть в своей профессии и на своем месте, мне нужно очень много трудиться. Это звучит пошло и банально, но это так.

— И день, конечно, расписан по минутам...

— Вовсе нет. Бывают дни, когда ничего делать не нужно. И можно спать, сколько хочешь. И бродить по дому. Из угла в угол.

— А бывают дни, когда хочется на все махнуть рукой и послать всех к черту?

— Да. И все чаще и чаще... В последнее время мне кажется, что то, чем я занимаюсь, — это буря в стакане воды.

— Вы, наверно, подвержены депрессиям.

— Угу. Но переламаваю себя: ноги в руки — и вперед! А иногда ложусь лицом к стене и думаю: вот так бы лет пять пролежал.

— И ищите формулу счастья...

— Я не люблю придумывать формулы. Я вообще не уверен, что слова настолько объемны, что могут обозначать то или иное состояние. Я люблю жить на уровне чувств. А счастье... счастье — это какое-то аморфное, размазанное понятие.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— И да, и нет. Тысячи людей живут по звонку, работают по звонку, делают нелюбимую работу, любят нелюбимых людей. На их фоне я счастливый человек.

— В чем же тогда несчастливый?

— А где оно, это эйфорическое состояние счастья? Почему я его не испытываю?

— Но иногда оно все-таки должно быть...

— Иногда возникает ощущение полного кайфа. Полторы секунды — и все.

— И что хочется в эти полторы секунды?

— Хочется самому научиться вызывать такое состояние.

— Чего вам не хватает сейчас больше всего?

— Соглашаясь с собой, наверное. Я все время чем-то обеспокоен.

— Но ведь бывают минуты полной гармонии?

— Мне нужно время, чтобы это понять. Я ощущаю гармонию только спустя время. Я вот вспомнил свое прошлогоднее выступление в цирке. Сейчас мне кажется: как было хорошо!

— То есть пройдет еще время, и о какой-нибудь сегодняшней неудаче вы скажете: какая удача была!

— Да. Да. Да.

— Молчание. Я мешаю сахар в чашке. Он прикуривает новую сигарету.

— Вы по жизни кто?

— Кто угодно, но только не оптимист.

— Можете найти себе определение: Валерий Леонтьев — это...

— Нет. Или я не настолько умен, чтобы найти точное определение себе, или я сложнее, чем три слова.

— Вы о своих способностях много знаете? Хочется, например, переосмыслить самого себя?

— Я неоднократно пытался это сделать: участвовал в музыкальном спектакле, в кино снимался, прыгал под купол цирка, устраивал супер-шнупер-пупер-шоу "Полнолуние". Иногда хочется раздвинуть рамки, посмотреть, смогу ли я еще что-то сделать?

— Что-нибудь еще помогает вам узнать о себе?

— Когда спрашивают о чем-то таком, что заставляет задуматься. Например, когда задают нестандартные вопросы.

— Наверное, пресса частенько пытается залезть к вам под одеяло?

— Сегодняшняя журналистика заинтересована в этом. И это совершенно нормально. Другое дело, что кто-то с удовольствием пускает к себе под одеяло. Я — нет. Может быть, скандалы и подогревают популярность, но мне этого не нужно. Я вообще человек не скандальный.

★ ★ ★

Во времена оны гонорар Валерия Яковлевича составлял 35 рублей. За концерт. Без антракта. Валерий Яковлевич халтурил — зарабатывал 50 рублей сверху.

Эти полсотни ему платили бабушки-билетерши за то, чтобы Леонтьев устроил антракт. У билетерш своя мафия: бабули были "повязаны" с буфетом. На доходе бутерброде с завядшей икрой по 50 копеек и на шампанском за рупь с полтиной мафия зарабатывала "сверхурочные"...

— Говорят, вы путем десятикратного обмена наконец-таки переехали в Москву. В центр даже. Это ж каких сил стоило! И тут вдруг новость — вновь переезд, уже в Подмоскovie...

— У меня в Подмоскovie дом, который я очень люблю. Тишина, покой, природа. Мне там уютно и удобно. Никто не трогает. Я ведь действительно почти до сорока лет скитался по углам: то общежитие, то гостиница, то квартира друзей, жил даже в примерках на матрасах. Потом с помощью пятикратного обмена поменялся на Москву. Но все время мечтал о доме. Уютном, просторном, комфортном доме.

— Что для вас комфорт?

— Только не антиквариат.

— При чем тут антиквариат?

— Многие связывают комфорт с богатством. Но я его связываю с особой атмосферой. Атмосфера — это и место, где живешь, и личность хозяйина. Когда ко мне приезжают друзья, они говорят: как у тебя хорошо!

— Ну вот, одна мечта сбылась — мечта о доме. Что еще желаете?

— Теперь остров хочу. Маленький.

— Посреди океана, увитый алыми розами?

— Розы не обязательно.

— Будете там заниматься "ничегонеделанием"?

— Ага, с книжкой валяться.

★ ★ ★

— С какой?

— Все равно. Я всеядный. Читаю все: от фантастики до философии. Патологически люблю кино — смотрю все подряд. Недавно посмотрел потрясающий фильм "Карта человеческого сердца". Фильм о любви.

— А сами как относитесь к любви? Как вы ее ощущаете?

— С ней у меня связаны драматические ощущения. Да... и только драматические. Любовь для меня — трагичное состояние.

— Как конечный результат?

— Да.

— А первоначально — эйфория, взлет?

— Да-да. Поэтому как бы долго ни тянулось тягостное состояние, как плохо бы ни было... в общем, хочется вновь повторить то, первоначальное.

— Вы часто испытываете это состояние?

— Сейчас уже нет, потому что я теряю людей реже. Но все-таки теряю. В жизни. Но там, в памяти, они все равно живы. Независимо от того, хочу я их забыть или нет. И странно, чем дальше они во времени, тем ярче воспоминания о них.

— Как же тогда вы вспоминаете свое детство?

— Я не помню детства. До 13 лет — нет, не помню. Какие-то обрывки. Мой отец был ветеринаром, специализировался на оленях — мы постоянно переезжали.

— Это же вы помните!

— И все. Помню только снег, сугробы, куда-то едем, кого-то ищем. Я не помню ни друзей детства, ни соседей.

— А вам приходится встречаться с людьми из прошлого?

— Часто. Впечатление угнетающее.

Память хранит их всех молодыми, а когда встречаешь их в настоящем... Но тут я про себя думаю: а сам-то ты за двадцать лет посвежел?

Меня всегда возмущало свойство человеческой природы стареть. Человек не венец природы, а издевательство какое-то. Потому что у венца до 30 лет мозгов мало, а после 50 уже много. И на настоящую жизнь остается всего-навсего два десятка лет. Только 20 лет продуктивной мысли и нормального физического состояния!

— Вы достойно используете этот период?

— Процентом на 30.

Не знаю уж, что мне помогало, — за кулисы выбежишь, стакан коньяку хряпнешь — и снова работать.

— Не очень приятный вопрос: говорят, вы раньше сильно пили...

— Да не то чтобы сильно. Не запоями, во всяком случае. Сейчас вообще не пью.

— Чем бы хотели заняться лет через 30?

— Я не хочу загадывать, не хочу думать. Мне просто хочется быть и дальше.

— Вы хотите очутиться в будущем, но боитесь заглядывать в свое завтра?

— Честно? Боюсь. Потому что ничего хорошего оно не сулит. Я боюсь беспомощности и дряхлости. И ненужности.

ЖИЗНЬ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

— Что же мешает использовать остальное?

— Незнание. Незнание точек приложения сил. Прожить бы тысячу лет!

— Вот это я понимаю — мечта! В каком же времени вы хотели бы жить?

— В будущем. В очень отдаленном будущем. Мне интересно, какими мы станем, каких высот достигнем. А может, и не достигнем.

— С кем бы вы познакомились, если...

— С Нострадамусом.

— Вы мистик?

— Не совсем. Мне только свойственные мистические настроения. Это не то, что вы думаете, — гороскопы, дядька в колпаке, советы жить по затмениям. Мои мистические настроения сводятся к другому. Я думаю, что существует свод каких-то законов, как в физике, которые управляют нашей жизнью.

— По каким законам живете вы?

— Общепринятым: не убий, не укради и так далее.

— Вы в бога верите?

— Не в старца, что сидит на облаке и грозит пальчиком, — я верю в другого бога.

— И что-нибудь у него просите?

— Ну, не у бога, а у неба, скажем так.

— Что?

— Допеть концерт. В 82-м мне сделали операцию на связках — опухоль была. И до этого я с трудом дотягивал концерт. Было очень трудно — допеть до конца. В 80-м, помню, в Театре эстрады: народу — лом, все сидят, ждут, а ты...

— Это было смерти подобно. Я тогда в моду входил: люди за билетами ночами стояли, костры жгли. Выхожу на сцену — и через полчаса исчезает голос.

— Чем себе дорог Валерий Леонтьев?

— Я себе не дорог совсем. Потому что все, что делаю, — все мне кажется недоделанным, недотянутым. Это касается и творчества, и личной жизни. По поводу каждого своего поступка я всегда испытываю многочисленные сомнения: так ли я сделал? В нужный ли момент? И кому вообще нужно все это?

— У вас есть комплексы?

— Думаю, есть. Я всегда боюсь кого-нибудь обидеть. Боюсь показаться неулычивым. Невежливым. Нетактичным.

— А что вы боитесь потерять?

— Интерес к тому, что я делаю, к жизни. Боюсь перестать хотеть завтра.

— А что должно быть в завтра?

— Что-нибудь яркое.

★ ★ ★

Валерий Леонтьев может по праву гордиться своими фанатками. Большинство из них относятся к своему кумиру как к сыну. Одно время, про которое Валерий Яковлевич говорит "когда я был худой", поклонницы считали своим долгом накормить певца. И ведь кормили! Несли прямо на сцену варенье, огурцы, картошку, даже суп в литровых банках. Кумир скромно замечал: "Да вы что? Сами ешьте!" Но по секрету теперь рассказывает, что иногда все-таки принимал угощение...

Нынче тоже кушать несут. Но уже деликатесы. "МК" выдает вам, поклонницы, маленькую тайну: Леонтьев из всех экзотических блюд больше всего любит фруктовый салат, приправленный кремом на основе молока и шоколада.

— Я пою то, что хочу. Хотя вовсе не обязательно, что публика от этого в восторге. Довольно часто мои вкусы не сов-

падают со зрительскими. Бывает, я с удовольствием подхватываю песню и пою, а публика, услышав ее, вежливо хлопает. Хлопает за мои предыдущие песни. А бывает, что мне навязывают песню: ее нужно обязательно отнять, исполнить, записать. Мне же это скучно, неинтересно. Но я делаю. И вдруг — принимают! Поэтому я всегда ишу золотую середину: чтобы нравилось и мне, и зрителю.

— И как вы находите ее?

— Методом тыка. Многие мои коллеги работают по определенной схеме: сначала записывают, потом раскручивают. У меня все наоборот — я сначала выношу песню в зал, а потом уже работаю с ней дальше. В "Полнолунии", например, я чудовищно рисковал. Потому что вышел с 15 новыми песнями — их никто до этого не слышал. Это потом уже их отсняли, записали.

— Какое признание зрителей для вас самое ценное?

— Мне дорого любое признание. И букет цветов, и концерт, который классно прошел. Когда создается атмосфера взаимопонимания между мной и зрительным залом. И какая разница, где проходит этот концерт: в Москве или в Крыжополе?

Получил в Монте-Карло приз "Певец года" — тоже приятно.

Вот (показывает письмо с фотографией) — тоже признание. У меня в Тель-Авиве поклонник. Недавно стал отцом, сына назвал Валерий. Теперь пишет, что добивается... сменить ему фамилию. На Леонтьев.

— А как насчет тех поклонников, что стоят у подъезда, обрывают телефон?

— Это очень тяжело. Но я научился относиться к этому терпимо. Это атрибут профессии каждого известного человека — не обязательно артиста.

— Вам приятно осознавать себя звездой?

— Это не носит какой-то личный характер, характер неистребимой любви к себе. У меня к этому другое отношение: да, я звезда, ну и что, так получилось.

— Вы артист и в жизни?

— Нет. Кто-то тянет свой имидж постоянно. Я — только на сцене. Но он всегда разный: в одной песне играешь Казанову, в другой — Белую Ворону.

— Это образы любимых песен?

— Любимые — свежие. Свежая песня — свежее чувство.

— Интересно, жизнь вас меняет?

Предположим, за последние пять лет вы изменились?

— Отчасти. Изменилось доверие.

— Стали меньше доверять людям?

— Думаю, да. Хотя по-прежнему, при знакомстве с человеком думаю о нем хорошо. Меня, знаете, нужно оглоблять по голове ударить, чтобы я понял, что это, может быть, и не очень хороший человек.

— И что это за оглобля такая, оглобля-разочарование?

— Меня может разочаровать тупость. Очень не люблю тупость. Был близок такой, когда человек не хочет ничему учиться, считая себя пупом земли, когда он думает, что уже умеет все.

— В вашей жизни много друзей?

— Мне много не надо — зачем много? Знакомых — тысячи, друзей — по пальцам пересчитать.

— Какие у вас отношения с Аллой Борисовной?

— Хорошие. Сегодня звонила. Завтра приедет в гости. Мы друг к другу в гости ездим.

— Чем вы обычно встречаете друзей?

— Кого — нецензурными выражениями, а кому поляну накрою.

— Первое явно не для Пугачевой... Тогда кому?

— Тому, кто это заслужил.

— Ладно, друзья есть. А ангел-хранитель?

— Если он есть, то мы не знакомы.

— Очень лаконично.

— Ну, у меня бывали ситуации, связанные со смертельным риском. Когда не знаешь кто помог: то ли бог, то ли черт. Помню, в Индии у нас был большой переезд — 700 км. Вся группа поехала на автобусе, а я с руководителем своим на машине. Ночью ехали, потому что днем было жарко. Я сел рядом с водителем, задремал. Мне говорят: садись-ка ты лучше на заднее сиденье, чтобы водителю не мешать. Остановились, поменялись местами, отехали и только разогнались — влетелись в трайлер, стоящий без огня на трассе. Машина всямятку, водитель ранен, мой музыкальный руководитель — в крови. Ужас: в чужой стране, ночью, на совершенно пустой дороге. Помню, как мы 30 километров на тележке для перевозки бананов везли водителя до медпункта.

— У двух звезд были в свое время периоды: у Аллы Пугачевой — молодечный, у Валерия Леонтьева — индийский. Все пели: "Вал-е-рий Леонтьев Made in Ин-д-и-я!" У вас сейчас какой период?

— О, ко мне этот индийский период крепко прилепился! Хотя я в Индии был три раза, а в Штатах семь. Но никто об американских поездках ничего не знает, все думают, что я прописался в Индии. Мы просто однажды взяли с собой телевизионщиков и Сережу Крылова. Он сделал об этой индийской поездке фильм. Все стали думать, что я из Индии не вылезаю.

— Я не знаю, что сказать по поводу сегодняшнего дня. Я не знаю, какой сейчас период — еще не придумал названия. Может быть, через год станет ясно.

Виктория САРЫКИНА.

Леонтьев Валерий

26.11.94